

DOI:

©2022 С.А. СМИРНОВ

НАШЕ БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ БУДУЩЕЕ ИЛИ УЛОВКА ТРАНСГУМАНИЗМА

Смирнов Сергей Алевтинович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, главный редактор альманаха «Человек.RU». Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
ORCID 0000-0002-2023-8855
Электронная почта: smirnoff1955@yandex.ru

Аннотация. В статье дается анализ концепции постчеловека, предлагаемой в рамках идеологии трансгуманизма. Автор показывает, как в рамках этого концепта выстраиваются базовые схемы редукции человека, в силу чего человек может быть выведен из социально-культурной реальности как сущее и заменен особым существом — постчеловеком. Показано, что именно в силу базовых онтологических и концептуальных редукций возникает соблазн подмены человека новым сущим, более совершенным и почти бессмертным. В статье приводятся примеры названных редукций, такие, как: редукция человека как сущего до его биологического тела; редукция существования человека к существованию отдельных биологических тел; редукция мышления человека к интеллектуальным операциям и функциям, которые в принципе могут быть смоделированы и пересажены в техническое устройство; редукция высших способностей человека (мышление, воля, воображение, память, чувство) к функциональным операциям, происходящим в мозге,

---

Работа написана в рамках грантового проекта «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт» при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00103).

можно оторвать от привычных носителей, людей, и перенести на другого носителя.

Методолог Г.П. Щедровицкий еще в доцифровую эпоху утверждал, что мышление мыслит, а не человек. Оно как бы паразитирует на людях, и, будучи субстанцией, может «сидеть» и на «железках» или других носителях [Щедровицкий, 1997: 561]. Щедровицкий рассматривал мышление как субстанцию, развивающуюся по своим законам, в духе В. фон Гумбольдта, писавшего о языке как о субстанции. Однажды при определенном личном усилии человека язык, как и мышление, может «сесть» на него и через него заговорить. Тем самым мы по привычке утверждаем, что человек заговорил или начал мыслить.

Л.С. Выготский уточнил: все же не мышление мыслит, мыслит человек. Но какой? [Выготский, 1986: 58–59]. Он и многие другие полагали, что мыслит, конечно, не отдельный индивид, но и не субстанция, а тот субъект, который формируется в человеке в силу прodelьвания им определенного опыта культурного развития, опыта практик заботы о себе, с помощью которых в человеке выстраивается и надстраивается личностная структура, дающая возможность человеку мыслить и чувствовать. В нем формируются так называемые новые «функциональные органы».

Идея, согласно которой мышление как субстанция однажды, при определенном условии, при совершении культурной, духовной работы и личностном усилии, может «сесть» на отдельного человека, становящегося субъектом мышления и действия, обернулась в свою противоположность. Субстанцию мышления в трансгуманизме подменили технической функциональной матрицей, которая насаживается на отдельного индивида и паразитирует на нем, а последний превращается в функцию, в узел этой матрицы. Но коль скоро человек становится функцией матрицы, то он в принципе заменим — технически более совершенной функциональной машиной, постчеловеком.

Подмена

Трансгуманизм в его радикальных проявлениях не нов, полагая, что человек, будучи смертным существом, в принципе заменим на более совершенное существо. Но в данном случае речь, скорее, идет о носителе сознания, функциональной матрице, имеющей определенный биологический и химический субстрат, состав которого можно менять — то есть менять носителя матрицы.

Главные недостатки человека трансгуманизм видит в его принципиальной субстратной ограниченности, незавершенности,

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее или уловка трансгуманизма

— редукция высших способностей человека (мышление, воля, воображение, память, чувство) к функциональным операциям, происходящим в мозге, локализованных там, вследствие чего их можно вычлениить, описать, смоделировать и далее модель пересадить на искусственного носителя, получив искусственный интеллект.

Но главной редукцией выступает сведение бытия человека к существованию биоидного тела. Усилие быть всегда было для человека онтологической нормой. Так было записано во всех культурных кодах и традициях. Бытие выступало как онтологическая норма [Хайдеггер, 1993; Хоружий, 2013]. Забота о себе означала возделывание в себе того сущего, которое мыслит себя в бытии. Его, человека, заботой о самом себе должно быть постоянное «возвращение человека его существу», возвращение «отпавшего от своей сущности» человека ему самому, писал М. Хайдеггер [Хайдеггер, 1993: 195–196].

В этом смысле «человек в норме» для нас есть такое представление, согласно которому человек осуществляет полное онтологическое размыкание к бытию, он открыт ему, в силу чего создается базовое условие для развития его личностных качеств, таких, как нравственный этос, мышление, воля, память, воображение, чувственный мир, и тем самым он формируется согласно собственной идее человека, становясь смысловой опорой мира (см. о бытии как норме [Аванесов, 2016; Смирнов, 2016; Хоружий, 2013]).

С другой стороны, мы знаем, что он же, человек, другой своей частью, стремился к обратному — он стремился к отказу от бытия, к отказу мыслить и ответственно поступать. Если же человек отказывается от бытия как нормы, то он отказывается от себя как сущего в пользу иного существа, постчеловека. Человек «вне нормы» готов идти на отказ от бытия, он стремится редуцировать свое существование к онтической реальности, уже — к эмпирическому существованию «тела желания» с его биологическими потребностями, в пределе — это существование биоида, у которого работают лишь две функции — страх и удовольствие.

К концу XX века сложилась уникальная историческая ситуация, в которой сошлись вековые тренды и базовые установки человека. С одной стороны, желание (соблазн) человека не быть (или страх быть — обратное от «мужества быть», если вспомнить П. Тиллиха), с другой стороны — достижения техногенной цивилизации и появление умных технологий.

Вместо усилия быть, стремления стать, состояться, найти свое место в мире посредством духовной работы и заботы, человек испытывает соблазн довершить себя сугубо технически, тем самым оставить место иному, гибриднему существу. Страх смерти,

Это реально и это делается. Но акт мышления или акт веры смоделировать нельзя. Поэтому первоначально проводится радикальная антропологическая редукция: сведение человека к набору функций.

Следствием этой подмены становится и другое обстоятельство. В современных разработках, посвященных искусственному интеллекту, в интерфейс «человек-машина» включен не собственно человек, а уже его заменитель, его редуцированная модель, сконструированное функциональное устройство, в силу чего между человеком и машиной происходит перераспределение функций. В этом интерфейсе уже возможна замена человека умным техническим устройством.

Мыслящая личность не может быть пересажена ни в какое иное тело. Поэтому сначала ее надо редуцировать до набора функций и далее в виде редуцированной модели можно пересадить в иного носителя, в пределе – просто заменить. Ярким примером здесь выступают практики трансгендера. Его сторонники понимают разницу между мужчиной и женщиной сугубо в биологическом, натуральном смысле. Достаточно провести хирургическую операцию, и человек меняет гендер. Духовные и социальные проблемы фактически не обсуждаются.

Уловка и приманка заключается здесь в редукции смысла жизни к комфорту: постчеловек будет жить лучше, в комфорте, будет благополучен, успешен и счастлив. Будут удовлетворяться все его желания. Бытие редуцировано к существованию (сытому и комфортному) биотехнических гибридных тел-роботов. А поэтому человеку как биоиду нужны только две функции — чувство боли (для чувства безопасности) и чувство удовольствия (как смысл существования).

Названная концептуальная подмена подкрепляется спекулятивной операцией по экстраполяции жизненного материала из одной сферы в другую. Например, в современной медицинской практике освобождение от страданий больного человека, страдающего от тяжелой болезни или нехватки (зрения, слуха, больной почки, сердца, конечностей) понимается как благо, ему пересаживают искусственную почку, ставят «умный глаз», делают протез, и все это в медицинских целях вполне оправдано и может быть принято как лечение. Но такой же подход к миллионам функционально здоровых людей выступает уже манипуляцией. К здоровому человеку начинают относиться как к больному. А нормой становится патология. Смертное, страдающее, болеющее существо достойно благополучной жизни, поэтому оно может быть и должно быть заменено на не страдающего, бессмертного, не болеющего киборга. Такая замена выставляется как благое дело. Трансгуманисты

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее или уловка трансгуманизма

выступают в качестве врачей, исцеляющих человечество, несущих ему благо и освобождение от страданий и страхов.

Понятно, что выбранная манипулятивная стратегия, согласно которой человека убеждают в том, что смысл существования состоит в благополучии, что успехи эры постчеловека позволяют достичь полноты удовольствия и благополучия, — подобная стратегия рассчитана на людей, выбирающих как раз эту стратегию. Таких людей — большинство. Мыслящих и принимающих страдание как необходимый удел всегда было меньшинство. А большинство выступает в логике трансгуманистов неким массовидным телом сущего (в духе М. Хайдеггера — *das Man*). На это массовидное тело, стремящееся к удовольствию и благополучию, добротному материальному существованию, и рассчитана стратегия трансгуманизма.

Ведь усилие быть — это всегда личное, конкретное усилие, оно всегда лично, событийно, предполагает ответственный поступок. Оно не совершается в массе и по приказу. Оно всегда связано с жизненным, онтологическим самоопределением — быть или не быть. Оно всегда определяло базовые ценности и ориентиры человека, его базовые приоритеты. Человек всегда решал этот вопрос через поступок. Не умозрительно, не примерно, не виртуально, а реально, в поступке, и поэтому всегда рисковал.

Но возможности геной инженерии, опыты по редактированию генома, достижения биотехнологий, успехи в работах по искусственному интеллекту заставили человека испытать онтологический соблазн — можно не совершать усилий, не быть, не страдать, не мыслить, не чувствовать, то есть не жить, но при этом быть бессмертным, хотя и в другом, постчеловеческом существе. Миллионы людей не могут устоять перед этим онтологическим соблазном. Поэтому они выбирают антропологический тренд ухода, то есть замены себя постчеловеком, трансчеловеком, техночеловеком.

Такая стратегия становится реальным вызовом. Но этот вызов требует ответа. Ответа не умозрительного, не теоретического, а предельно практического. Нам нужна в этой связи реальная антропологическая альтернатива этому вызову. Поэтому антропологический проект для будущего человека выступает не просто научной разработкой. Он выступает мировоззренческой антропологической альтернативой, предлагающей человеку все же быть не редуцирующим себя до функционального устройства; использующим умные гаджеты и умные технологии как средства развития, а не средства порабощения.

Кейс. Возможен ли искусственный интеллект?

Ключевым оселком в тяжбе культурной, духовной традиции с трансгуманизмом по поводу бытия и небытия человека выступает проект искусственного интеллекта (далее — AI). Именно на нем проверяется точность и логика идеи. И на нем видно, как совершается явная подмена, то есть просто-напросто обман в спекулятивной игре. А главными авторами этой игры на подмену выступают не только главные идеологи трансгуманизма (последние здесь вторичны), но и сами инженеры, разработчики моделей AI, которые даже и не ведают, что творят.

Разработчики AI, будучи инженерами, программистами, технологами, являются стихийными натуралистами и бихевиористами. Они полагают, что тайна мышления и сознания скрыта, сосредоточена в мозге и воплощается в поведении. Поэтому важно понять природу активности мозга. Если мы поймем тайну его активности, причем тайну его устройства, буквально опишем и схватим то, где и в каких функциональных зонах локализуется та или иная способность и прочее, то его можно смоделировать. И поэтому для них AI вполне реален. При этом вообще никак не обсуждается ни природа социального, ни феномен культуры, ни тайна акта мышления, ни тайна акта веры, ни природа человеческого поступка, не сводимого к поведенческим реакциям и активности мозга.

Здесь происходит та же замена и редукция. Мышление сводится к активности мозга. Авторы AI полагают, что мыслит отдельный индивид с помощью мозга. Поэтому ставится задача создать разумную машину, способную мыслить как отдельный индивид³. Разумная машина понимается как такое устройство, которое способно имитировать мыслительную работу мозга.

Отечественная культурно-деятельностная традиция, выраженная в работах Л. С. Выготского и его последователей, полагает, что мыслит не мозг, а мышление встроено в сложную предметную мыследеятельность, в которой мозг выступает одной из частей формирующегося «функционального органа». Поэтому

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее или уловка трансгуманизма

³ От этой изначальной идеи в разработках AI в итоге пришлось отказаться и перейти к идее самообучающихся нейронных сетей. Но последнее также выступает сугубо технологической задачей-калькой — смоделировать нейронные сети наподобие нейронных сетей у человека и сделать так, чтобы они «обучались» на основе обработки огромного массива данных. Мышление здесь все равно сводится к вычислительным операциям и анализу больших данных. Также остается и сам принцип имитации. Нейронные сети имитируют мыслительную деятельность. Но это тема отдельной работы, выходящая за рамки данной статьи (см. [Брызгалова, 2019; Гусев, Добридин, 2017; Маркофф, 2016; Пенроуз, 2020]).

Еще раньше феномен этой границы был осознан с момента понимания человеком себя как того, кто регулирует стихийные природные процессы, в том числе в себе. Например, когда человек ввел табу на стихийные половые связи внутри рода, на промискуитет. В этом плане культура начинается с табу, с попытки человека регулировать свое собственное сугубо природное (естественное) поведение.

Второе основание — *внутренний / внешний, мы / они*. Граница проводится в зависимости от выбора субъекта, в зависимости от того, что мы берем в качестве общности. Либо это линия индивид — среда, либо город — другой город, дом — другой дом, двор — другой двор, социальная группа — другая группа, мы — они и т. д. Внутренним тогда становится то внутреннее, которое относится к этому субъекту, этой референтной группе, а внешнее — к той, иной, другой. Тогда естественный — это внешний, со своими законами, порядком, не подчиняющийся нам, нечто самоценное, самостоятельное, запредельное для нас.

Третье основание: *источник, оригинал / и копия*. Естественный выступает оригиналом. Тогда искусственное — это вторичное, придуманное, повторенное, копия, подражание естественному оригиналу. Тогда естественный — это настоящий, а искусственный — не настоящий, подделка.

Четвертое основание: *не сделанный, уже данный, существующий / сделанный, сконструированный, построенный*. А значит, естественное существует вне нас и до нас, по своим законам, а искусственное существует в зависимости от нас, по нашим законам. Оно придумано нами; следовательно, зависит от нас, от наших способностей.

Разведение Е / И происходит по-разному в зависимости от установок. Как минимум, можно говорить о натуралистической и деятельностной установках. Натуралистическая установка полагает, что естественное — это нечто натуральное и вне человека данное. А искусственное — соответственно, нечто человеческое, сделанное человеком [Смирнов, 2020: 3–20].

Также разведение можно провести в зависимости от установки на ценности: *установка на сохранение / установка на изменение*. Первая ориентируется на традиционализм, консерватизм, сохранение существующего положения дел. Из этого истока происходит экологическая повестка. Вторая установка видит ценность в неминуемых изменениях, новациях, в отношении к миру и природе как к тому, что требует изменений, преобразований [Юдин, 2013: 32–34].

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее или уловка трансгуманизма

и делает нас самих людьми. Мы должны по-прежнему мыслить и любить. Хотя это и предполагает личное усилие.

Поэтому необходимо сами достижения нейронаук, достижения НБИКС-технологий использовать для выстраивания таких человеко-машинных систем и таких проектов человека, в которых перестраиваются интерфейсы с сохранением субъектности и активной роли человека. Речь не идет об отказе от разработок по AI, от геной инженерии, биотехнологий. Дело не в них. Дело в выше названных установках.

В этой связи наша позиция заключается в продолжении линии, обозначенной Л.С. Выготским в его культурно-исторической, «вершинной», психологии [Выготский, 1984; Выготский, 1986]. В чем заключалось его предложение? В том, что развитие человека понималось как культурное развитие, опосредованное орудиями и знаковыми системами (языком). Орудие и знак выступают посредствующими звеньями в процессе освоения их человеком. Овладевая орудием и знаком, человек овладевает своим поведением, становится собой, у него формируются мышление и другие «высшие психические функции»⁴.

Почему нас не устраивает пафос трансгуманизма? Потому что он предлагает вообще никак не учитывать практику освоения и опосредования, практику овладения человеком своим поведением посредством знака и орудия. Он предполагает уплощение, сплющивание вообще деятельности человека, превращая его в придаток умной машины. Понятно, почему. Потому что сознание сводится к активности мозга, а человек — к эмпирическому индивиду.

Мы предлагаем вернуться к базовой аргументации Л.С. Выготского, вернуться к идее опосредования развития человека, но уже умным орудием, умной машиной и знаком, шире — цифрой. Человек выстраивает новый интерфейс: *человек — знак (цифра) — машина*. В нем (интерфейсе) не просто по-новому выстраивается связь человека и орудия, но сами участники отношения, человек, машина и знак (цифра) становятся иными, нежели в доцифровую эпоху. Например, цифра — больше, чем знак-орудие, она становится новой средой, в которой обитает человек. Точнее, среда становится гибридной, что уже отмечено в разных работах [Рубцова, 2019а; Рубцова, 2019б]. В новом интерфейсе выстраивается новая модель человеко-машинно-знаковой (цифровой) системы. На языке этой модели можно обсуждать и проект грядущего

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее или уловка трансгуманизма

⁴ В своей терминологии Л.С. Выготский не успел преодолеть до конца привычки реактологии и бихевиоризма, называя мышление и волю «функциями», хотя и высшими. Он находился в поиске.

Л.С. Выготскому. С этим связана и так называемая «нейропластичность» мозга, то есть его морфологическая изменчивость и обучаемость.

Нейронаука изучает как раз связь между культурой и языком, ее представляющим, с одной стороны, конкретным опытом познавательной и трудовой деятельности, с другой, и формированием функциональных систем головного мозга, с третьей. Но как конкретно преломляется культура и язык в этих функциональных системах — это в современной нейронауке пока вопрос открытый.

Но есть уже конкретные результаты. Например, Э. Магауйр исследовал опыт лондонских таксистов, которые специально обучаются и сдают сложные тесты на пространственную навигацию в большом городе (в Лондоне). Это связано с пространственной и зрительной памятью и ориентацией. Тесты сдают не все. Обнаружено, что у тестируемых иная структура гиппокампа, нежели у других испытуемых, не таксистов. Предположительно это связано с особой деятельностью по пространственной навигации в городе. Исследователи допускают, что структурные изменения мозга прямо обусловлены высшими когнитивными функциями, отвечающими за формирование пространственной памяти [Фаликман, Коул, 2014: 8].

Но данных крайне мало. Прямых корреляций между культурой, формами поведения, принятыми в культуре, языковыми структурами и структурным и функциональным строением зон мозга не наблюдается. Здесь нет непосредственных причинно-следственных связей. Поэтому происходит редукция культурных форм и культурного развития к активности мозга. Это приведет к тому, предупреждают М. Коул и М. Фаликман, что понятие культуры может быть исключено из анализа развития человека, что противоречит идее коэволюции культуры и мозга [Фаликман, Коул, 2014: 13]. Есть риски превратить нейронауку в бездушную науку о мозге, исследующую активность мозга, но не отвечающую на главный вопрос — как психика человека формируется в контексте культуры, к которой и принадлежит.

* * *

В новой ситуации вместо внешней орудийно-знаковой среды мы имеем социально-цифровую, гибридную среду, в которой люди (особенно дети) уже живут, для которых цифра выступает чем-то большим, нежели знак и орудие: она становится гибридной средой обитания. И перед нами встает следующая задача: выстраивание культурных практик развития и формирования личности человека в новой реальности, с помощью построения моделей человеко-цифро-машинно-знаковых систем, выступающих полигонами

развития высших способностей человека — его мышления, воображения, памяти. Это новый вызов как для культурно-исторической психологии, так и для всей антропологии будущего.

Our Inhuman Future or Tricks of Transhumanism

Sergei A. Smirnov

Doctor of Science in Philosophy, Leading Researcher, SB of RAS Institute of Philosophy and Law.

8 Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-2023-8855

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the concept of posthuman, proposed within the ideology of transhumanism. The author shows how, within the framework of this concept, the basic schemes of human reduction are built, due to which a person can be deduced from socio-cultural reality as a being and replaced by a special being, a posthuman. It is shown that it is due to the basic ontological and conceptual reductions that the temptation arises to replace a person with a new being, more perfect and almost immortal one. The article provides examples of the named reductions, such as: the reduction of a person as being to his biological body; reduction of human existence to the existence of separate biological bodies; reduction of human thinking to intellectual operations and functions, which, in principle, can be modeled and transplanted into a technical device; reduction of the highest human abilities (thinking, will, imagination, memory, feeling) to functional operations occurring in the brain, localized there, as a result of which they can be isolated, described, modeled, and then the model can be transplanted onto an artificial medium, having received artificial intelligence. The author proposes to develop a response to this challenge associated with the replacement of a person, proposes to develop a so-called anthropological alternative. The latter is, among other things, in building a new conceptual model, built using the already known basic scheme of mediation, developed within the framework of Russian cultural-historical psychology and anthropology. Thanks to this scheme of mediation, it is quite possible to build on a new basis a model of a man-symbol-machine system, with the help of which it is possible to build new cultural practices for the development and formation of a person's personality.

Key words: transhumanism, anthropology, man, posthuman, human future, artificial intelligence, natural and artificial.

For citation: Smirnov S.A. Our Inhuman Future or Tricks of Transhumanism // *Chelovek*. Vol. 33, N 1. P. 61–79. DOI: ...

Литература / References

Аванесов С.С. *Человек в норме*. Новосибирск: Офсет, 2016.

Avanesov S.S. *Chelovek v norme* [Man is normal]. Novosibirsk: Ofset Publ., 2016.

Брызгалина Е.В. Медицина в оптике искусственного интеллекта: философский контекст будущего // Человек. 2019. Т. 30. № 6. С. 54–71.

Bryzgalina E.V. Meditzina v optike iskusstvennogo intellekta: filosofskiy context buduschego [Medicine in the Optics of artificial Intelligence: the philosophical Context of the Future] *Chelovek*. 2019. Vol. 30. N 6. P. 54–71.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Орудие и знак в развитии ребенка. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.

Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij* [Collected Works] *Orudie i znak v razvitii rebenka* [Tool and Sign in Child Development]. Vol. 6. Moscow: Pedagogika Publ., 1984. P. 5–90.

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–65.

Vygotskij L.S. *Konkretnaya psihologiya cheloveka* [Specific human psychology] *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 14. *Psihologiya*. 1986. N 1. P. 52–65.

Гусев А.В., Добриджук С.Л. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // Информационное общество. 2017. № 4–5. С. 78–93.

Gusev A.V., Dobridnjuk S. L. *Iskusstvennyy intellekt v medicine i zdravookhraneniya* [Artificial Intelligence in Medicine and Health Care] *Informatzionnoye obschestvo*. 2017. N 4–5. P. 78–93.

Мартина Ротблатт. История самого успешного предпринимателя-трансгендера в мире. 2016 [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/flood/15196-martine-rothblatt> (дата обращения: 29.05.2021).

Martina Rothblatt. *Istoriya samogo uspehnogo predprinimatel'ya-transgendera v mire* [The story of the world's most successful transgender entrepreneur] [Electronic resource] URL: <https://vc.ru/flood/15196-martine-rothblatt> (date of access: 29.05.2021).

Маркофф Д. *Номо Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания* / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикш, 2016.

Markoff J. *Nomo Roboticus? Ljudi i mashini v poiskach vzaimoponimaniya* [Machines of Loving Grace. The Quest for Common Ground Between Humans and Robots]. Moscow: Alpina non-fiction Publ., 2016.

Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974.

Meshcheryakov A.I. *Slepogluhonemye deti. Razvitie psihiki v processe formirovaniya povedeniya* [Deaf-blind children. The development of the psyche in the process of forming behavior]. Moscow: Pedagogika Publ., 1974.

Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. с англ. М.: УРСС: Ленанд, 2020.

Penrose R. *Noviy um korolja* [The Emperor New Mind: Concerning Computer, Minds and the Law of Physics]. Moscow: URSS; Lenand Publ., 2020.

Рубцова О.В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая) // Культурно-историческая психология. 2019а. Т. 15. № 3. С. 117–124.

Rubtzova O.V. *Cifrovye tekhnologii kak novoe sredstvo oposredovaniya* (Chast' pervaya) [Digital technologies as a new means of mediation. Part 1] *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2019a. Vol. 15. N 3. P. 117–124.

Рубцова О.В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть вторая) // Культурно-историческая психология. 2019б. Т. 15. № 4. С. 100–108.

Rubtzova O.V. *Cifrovye tekhnologii kak novoe sredstvo oposredovaniya* (Chast' vtoraya) [Digital technologies as a new means of mediation. Part 2]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2019b. Vol. 15. N 4. P. 100–108.

Смирнов С.А. Онтология человека: рамки и топика // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 38–49.

С.А. Смирнов
Наше бесчеловечное будущее или уловка трансгуманизма

Shchedrovitskij G.P. *Izbrannije trudi* [Selected Works]. Moscow: Shk. Kul't. Polit. Publ., 1995.

Юдин Б.Г. Что там после человека? // *Философские науки*. 2013. № 8. С. 24–36.

Yudin B.G. Chto tam posle cheloveka? [What is there after the person?]. *Filosofskie nauki*. 2013. N 8. P. 24–36.

Bostrom N.A. History of transhumanist thought. *Journal of Evolution and Technology*. Vol. 14, Iss. 1, 2005.

Bostrom N. *Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies*. United Kingdom. Oxford University Press. 2014.

С.А. Смирнов
Наше бесчело-
вечное буду-
щее или уловка
трансгуманизма